

Музей

Трава. — 1894 г. — 8 апр.

«Приют трудов и вдохновенья»

то с изрядным приданым, а жених, хоть и был он к тому времени известным писателем, автором «Бедной Лизы», до сих пор жил лишь на литературные заработки. Да еще старше невесты почти на полтора десятка лет, вдовец с маленькой дочкой на руках. Однако новобрачным было все равно, что болтают о них в светских салонах. «Катерина Андреевна так добра и мила, что мудро вообразить жену лучше ее...», — так отзывался Николай Михайлович о своей супруге в одном из писем.

Летом 1804 года Карамзины уезжают из первопрестольной в Остафьево — подмосковное имение Вяземских. Там, в деревенской тиши, Николай Михайлович, высочайшим повелением назначенный историографом, наконец-то смог вплотную заняться главным трудом своей жизни, о чем он мечтал уже давно. «...Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей русской истории... Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательна: не думаю...», — писал он еще в 1790 году.

«Карамзин принял постриг», — судачили о нем в московских гостиных, когда он перестал там появляться. В

самом деле, его комната на втором этаже роскошного остафьевского дворца напоминала монашескую келью. «Голые оштукатуренные стены, выкрашенные белой краской, широкий сосновый стол, в переднем углу под окнами стоящий, ни чем не прикрытый, простой деревянный стул, несколько козлов с наложенными досками, на которых раскладены рукописи, книги, тетради, бумаги; не было ни одного шкапа, ни кресел, ни диванов, ни этажерок», — рассказывал Михаил Погодин.

По воспоминаниям П. А. Вяземского, Карамзин любил гулять в старой березовой роще за усадебным парком, находя в «окрестной тишине, в величавой обстановке природы, в свежести и умиротворительности впечатлений особенную и глубоко объемлющую душу прелесть... Возвратившись с прогулки, завтракал он с семейством, выкуривал трубку турецкого табаку и тотчас после уходил в свой кабинет и садился за работу вплоть до самого обеда... Во время работы отдохновения у него не было, и утро его исключительно принадлежало Истории... В эти часы ничто так не сердило и не огорчало его, как посещение, от которого он не мог избавиться. Но эти посещения были очень редки. В кабинете

жена его часто сживала за работой или за книгой, а дети играли, а иногда и шумели. Он, бывало, взглянет на них, улыбаясь скажет слово и плять примется писать».

Сюда, в Остафьево, Карамзину присылали необходимые для изучения событий времен минувших книги, манускрипты; летописи из архивов иностранной коллегии, синода, Эрмитажа, Академии наук, Мос-

Наследие

ковского университета, Троице-Сергиевой и Александро-Невской лавр, частных собраний, из архивов и библиотек Оксфорда, Парижа, Геттингена. «Какую сделал я находку! — с ликованием сообщал он А. И. Тургеневу. — Волынскую летопись, полную, доведенную до 1297 года, богатую подробностями, вовсе неизвестную... Я не спал несколько ночей от радости. Список прекрасный. Слог для знатоков любопытный. Одним словом, это сокровище!» А вот строчки из другого письма: «Сколько теперь у меня новых драгоценностей!.. Я получил из Кенигсбергского архива в копиях все письма наших галицких князей к великому Мастеру ордена в начале

XIV века, весьма важные для хронологии и в других отношениях...»

За 12 лет Карамзин почти не покидал полюбившуюся ему усадьбу, создав здесь первые восемь томов знаменитой «Истории государства Российского». Единственные поездки, которые он себе позволял, — по монастырским библиотекам и отдаленным церквям, где в ризницах хранились редчайшие рукописные книги. Да еще война с Наполеоном несколько выбила историка из привычной жизненной колеи. Перед угрозой захвата Остафьева французами Николай Михайлович с чадами и домочадцами отправился сначала в Ярославль, а чуть позже в Нижний Новгород. Как потом оказалось, сделано это было не напрасно. «Я вечер узнал по печатным известиям, что французы удастивали деревню Климову, то есть известное тебе Остафьево, своим посещением и что происходила в нем маленькая сшибка. Тихое убежище, в котором за несколько недель тому назад родились страницы бессмертной, а может быть, и никогда не известной свету «Истории» Николая Михайловича, истории славных наших предков, было свидетелем сражения с французами...», — писал П. Вяземский А. И. Тургеневу.

После изгнания басурманов из Отечества жизнь в Остафьево потекла по-прежнему. Но, как говорится, ничто не вечно под луной. В начале 1816 года Карамзин уезжает в Петербург хлопотать об издании первых томов своего грандиозного труда. Пребывание на берегах Невы, вопреки первоначальному намерению, затянулось. Судьба больше так и не одарила историка возможностью вернуться под сень остафьевских берез и лип. Но светлые воспоминания о годах, проведенных там, он хранил до последних своих дней: «Остафьево достопамятно для моего сердца; мы там наслаждались всей приятностью жизни... там текли средние, едва ли не лучшие лета моего века, посвященные семейству, трудам и чувствам общего доброжелательства...»

... В 1911 году прямо под окнами карамзинского кабинета был воздвигнут единственный в стране памятник книге — исторической эпопее, страница за страницей создававшейся в этом «приюте трудов и вдохновенья». Тома, отлитые в бронзе, лежат на невысокой гранитной тумбе с барельефным портретом писателя. А не так давно в бывшей усадьбе Вяземских открыли литературно-мемориальный музей.

Николай МУСИЕНКО.

8.04.94

138